

Н. С.
ЛЕСКОВ

Избранное

Николай Лесков
Аскалонский злодей

«Public Domain»

1889

Лесков Н. С.

Аскалонский злодей / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1889

ISBN 978-5-425-08178-0

ISBN 978-5-425-08178-0

© Лесков Н. С., 1889
© Public Domain, 1889

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Лесков

Аскалонский злодей

Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)

Мужчина, любви которого женщина отказывает, становится диким и жестоким.

Лукреций

Наши отдаленные предки в припадках любви не довольствовались вздохами или золотом, как это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, в которой те и другие падали мертвыми, – будь это для уничтожения сопротивления одной женщины или для удаления соперника. Их грубая любовь, на наш современный взгляд, есть карикатура любви.

Ц. Ломброзо

В Сирии, на восточном берегу Средиземного моря, севернее Газы и южнее Азота, стоял город Аскалон, которого нынче нет. По-еврейски он назывался Джора. Аскалон, или Джора, был основан в глубокой древности филистимлянами и разрушен турецким султаном Салладином. В долгий век этого города ему привелось быть языческим, христианским и мусульманским. В один из этих периодов или, лучше сказать, в один из переходов от одного положения к другому там случилось следующее характерное происшествие, отмеченное отчасти в писаниях Евсевия из Аскалона.

Глава первая

В то время, как в Аскалоне устанавливалось христианство, жил там один богатый купец-корабельщик, по имени Фалалей. Он узнал об учении Христовом в чужих краях и захотел ему следовать, но нехорошо его понял, – жена же его, по имени Тения, еще оставалась в язычестве. Оба супруга были в цветущей поре жизни: Фалалей имел тридцать пять лет, а жена его Тения двадцать четыре года. Фалалей был отважный и искусный мореходец, а Тения обладала замечательною женскою красотой и превосходною кротостью доброго характера. Ласковое обхождение Тении с людьми делало эту женщину приятною для всех, кто ее знал, и все аскалонские граждане, которым было известно это супружество, считали их за людей, достойных уважения, и притом почитали Фалалея-морехода человеком необыкновенно счастливым через то, что он имел жену, исполненную всех телесных и душевных изяществ.

Тения происходила из семейства, которое пользовалось почетною известностью: отец ее, Полифрон, был языческий жрец, имевший хорошие познания в науках и непреклонный нрав, повинуясь которому, незадолго перед этим сделался жертвою переходных порядков при царе Иустиниане и жене его Феодоре. Тения получила в доме отца хорошее воспитание и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житья в обществе, при хороших достатках: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала приятным искусством прекрасно петь и играть на многострунной арфе. При этом ей также не чужд был дар стихотворства: она могла очень быстро слагать в уме своем те самые песни, которые пела.

По красоте и по стройности жены корабельщика, а равно как и по приятности ее нрава и обхождения ей не было равной в Аскалоне и все называли ее здесь не иначе, как «изящная Тения».

Супруги жили в полном между собою согласии, в наследственном доме, при котором был обширный сад с фруктовыми деревьями: сад этот, доходивший до самого берега моря, давал в знойные дни тень и прохладу. Семья у Фалалея и Тении была не велика: они имели только двух маленьких детей – сына, по имени Витт, и дочь, которую звали Вирина. Еще с ними же вместе в одном доме жила мать Фалалея, старая вдова, по имени Пуплия, которая посещала со своим мужем Византию и Рим и, подобно сыну, тоже приняла христианство, но тоже нехорошо его понимала.

Дом Фалалея и Тении был один из самых красивых в Аскалоне. Он был просторен и светел и содержался в отменной чистоте. В глубине отененного двора был помост из пахучего дерева, где в самый пеклый зной мирно и тихо играли Витт и Вирина под надзором бабы их Пуплии. Весь двор окружали резные колонны из того же пахучего дерева; резные двери были украшены жемчугом и бирюзью, а окна завешаны пурпуром и индийскими вышивками, а посередине бил фонтан прозрачной и свежей воды. Но главное богатство Фалалея состояло не столько в доме, как в десяти больших кораблях, на которых он возил сандал, камфору, мушкатный орех и иные продукты и товары в Александрию и к другим известным тогда портам Востока. Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но неверно понятое христианство не изменило его языческих взглядов, а излишнее богатство сделало его безрассудным: так, чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность и ему хотелось иметь еще более золота, и казалось, будто это непременно так и нужно.

Такая жадность мужа к богатству причиняла кроткой Тении большое беспокойство и она не раз предостерегала Фалалея, чтобы он не поддавался этой страсти и жил спокойнее, потому что и того, что он уже успел приобрести, было довольно для жизни без нужды и лишений, но Фалалею не хотел послушаться Тении, и в жажде новых добытков он все про-

должал доверяться непостоянному морю, лишь бы только разбогатеть еще более, так чтобы богаче его уже не было никого в Аскалоне. Напрасно Тения указывала ему и на то, что желание большого богатства не только не отвечает учению избранной им христианской веры, но даже запрещено ею, – ничто это не останавливало Фалалея. Напоминание о христианской вере даже заставило мореходца рассердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и он сказал ей:

– Ты никогда не должна говорить мне об этом.

– Почему ты это мне запрещаешь?

– Потому, что ты, выросшая в язычестве и в нем пребывающая, не можешь понимать христианскую веру и не в состоянии рассуждать о ней как должно.

– Я знаю одно, что ваш Учитель просил делать добро и не собирать богатства. Фалалей отвечал:

– Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. В нашей вере есть то, что тебе непонятно: чтобы быть добрым, надо иметь чем людям помогать: я хочу быть не только кроток, как голубь, но и разумен, как змей. Я наживаю богатство и хочу иметь еще более – это все правда; но это вовсе не с тем, чтобы кичиться богатством, как делают ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатею с тем, чтобы, собрав много в своих руках, потом излить это на всех и начать благотворить своим по вере. Поверь, что когда в моих руках соберется столько богатства, что все будут беднее меня, тогда я сумею быть более добрым, чем могу сделать теперь, а ты лучше не мешайся не в свое дело и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатым.

Тения умолкла, но оставалась при своем мнении, а Фалалей, почитая слова жены за пустое, продолжал все изыскивать новые способы для расширения своей торговли: он умножил свою флотилию даже до тридцати кораблей и снял во всех портах всю торговлю сандалом, камфорой и мушкатным орехом. Некоторое время дело у него шло хорошо, но раз случилось дурно; Фалалей, кроме камфоры и сандала, набрал много других драгоценных товаров у посторонних торговцев, нагрузил все это на свои корабли и поплыл в море. Сначала плавание было благоприятно, но когда корабли Фалалея проходили против Кирены, вдруг поднялась ужасная буря и двадцать девять из кораблей Фалалея утонули со всеми бывшими на них товарами и мореходцами, и только один, тридцатый, на котором шел сам Фалалей, спасся с остатками груза. Корабль этот был сильно испорчен и не мог идти далее: он имел порванные паруса и поврежденные снасти, и в таком виде повернул назад к Аскалону.

Обратное плавание тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался к Аскалону и, вероятно, вошел бы в Иродову пристань, но тут-то именно вдруг и погиб, сделавшись жертвою злодейского умысла жителей одного близкого к Аскалону селения, лежавшего на самом берегу моря за грядою подводных камней. Жители этого берегового селения зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого с полным успехом. Расшатанный корабль Фалалея, как ударился о первый камень, так и расселся, а сторожившие этот случай селяне тотчас же подоспели на легких челнах и прикончили пливших и моливших о помощи корабельщиков ударами весел по их головам. Переколотив всех людей, поселяне расхватили остатки товаров и, после драки между собою, увезли, кто что успел взять, в свои хищничьи жилища.

При этой схватке Фалалей мужественно защищался, но упал, раненный, с борта в море и плыл, теряя последние силы, к одному из усмотренных им в темноте челноков. На этом челноке он видел необыкновенно большерослого, полуголого человека с красным платком на голове и надеялся получить от него помощь и защиту, но ошибся. Человек этот тоже был грабитель, и держал в одной руке горящий факел, а в другой тяжелый багор. Когда Фалалей к нему подплыл и взмолился к нему, помянув имя Христово, злодея не тронула эта мольба: он осветил утопающего факелом и, махнув багром, ударил им Фалалея по голове. Затем для

Фалалея сразу все кончилось – и усталость, и страх, и страдание, и заботы нажить больше всех в Аскалоне, чтобы потом благотворить из богатой наживы и сделаться добрым.

Глава вторая

Несмотря на смертельный удар, полученный Фалалеем, он, однако, не утонул. Неожиданным и удивительно счастливым случаем он прицепился одеждой за гвоздь пльвшего сломанного руля, который его и потащил на себе. Морские волны прибили руль, а на нем окровавленного и едва живого Фалалея к «Иродовой пристани», которая называлась так потому, что ее устроил в Аскалоне царь Ирод Великий. Грузовщики, работавшие на судах в Иродовой пристани, заметили бесчувственного человека, пльвшего на сломанном руле, и вытащили Фалалея на берег. Они сняли его как мертвеца, надеясь найти на нем что-нибудь ценное, но потом увидели, что это их согражданин Фалалей-мореходец, и удивились. А как в нем еще были заметны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы он очнулся, а в то же время послали отрока к нему в дом за его матерью Пуплией и за женою его Тениею, и за детьми их Вириной и Виттом.

Фалалей очень счастливо прицепился за руль, так что голова его все время была наружи, – от этого только он не захлебнулся и не наглотался соленой воды через меру, так что его скоро удалось привести в чувство.

Когда изящная Тения и старая Пуплия с Вириной и Виттом прибежали в Иродову пристань, то Фалалей уже открыл глаза; он сейчас же узнал жену и своих малолетних детей, и бабу их Пуплию и горько заплакал. Фалалей сразу понял свое положение и, обратясь к жене, сказал ей:

– О, я вижу теперь, как ты была права, добрая Тения! Но для чего я не слушал тебя в свое время? для чего я так упорно желал иметь много богатства? Вот теперь я и наказан за то, что я не знал сытости и хлопотал иметь больше прочих. Отныне мы нищие и я не в силах буду сделать ничего доброго людям, о которых я, по правде сказать, думал гораздо менее, чем о том, чтобы быть всех знатнее по своему богатству и уделять бедным только крупичицы.

Тения на это отвечала мужу кротко:

– Я говорила тебе ранее то, что тогда внушало мне справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о том, что потерял нажитое богатство. Мы еще имеем глаза, чтобы видеть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можем достать хлеб и кров для наших детей трудами рук наших. Ведь этак живут еще очень многие люди на свете.

Фалалей ободрился и, взяв Тению за руку, сказал:

– Ты права; голубка, витающая в душе твоей, могла бы одолеть моего змея, если бы дело шло только о нашем богатстве, но я погубил тоже и много чужого. Этого не простят мне.

– Ну, что делать, – отвечала Тения.

Перенесенный в свой дом, Фалалей, вероятно, скоро бы там выздоровел, но ему не привелось наслаждаться домашним покоем при заботах жены. К нему тотчас же пришли купцы, доверившие ему в долг товары, и стали требовать с него уплаты денег.

Фалалей отвечал им:

– Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разорен совершенно и не могу ничего заплатить вам?

Купцы отвечали, что они ему не верят и подозревают, что он их товары где-нибудь продал, а вырученное золото закопал где-нибудь в примеченном месте и потом сам, для отвода, бросился в море.

– Вы меня напрасно подозреваете, – отвечал Фалалей, – все товары погибли; верьте мне – я христианин и лгать не могу.

Но купцы в свой черед ответили Фалалею, что и они теперь тоже стали все христиане, как их император, но что это дела не изменяет, и что, сколько Фалалей им должен за товары,

они все это желают с него получить. А иначе, – говорят, – мы возьмем рабов, выставим все, что здесь видим, на базаре и продадим.

Фалалей отвечал им:

– Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабов и велели им при себе же взять все, что было в доме у Фалалея, и вынести на базар, а семью его из обобранного дома выгнали и самый дом заперли большим замком и ключ отдали известному в Аскалоне доимщику Тивуртию, с тем, чтобы он этот дом продал и вырученные деньги поделит между всеми, кому Фалалей должен.

Доимщик Тивуртий был человек страшный: лицо имел дряблое и скверное, цвета вареного гороха, и совсем безволосое, глаза черные, веки валиками, все тело мягкое и напряженное, а ходил тихо, как кот. Он взял и продал Фалалеев дом богатому трактирщику Эпимаху, который и открыл в покоях и в садах Фалалея корчемницу и веселый притон для иностранных мореходцев; а деньги, которые были выручены за продажу дома, Тивуртий разделил между теми, чьи товары потопил Фалалей, постольку, поскольку пришлось в разделе на каждого, и себе взял положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртий выручил через продажу дома, было слишком недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Фалалее.

Тогда искусный доимщик Тивуртий, который был тем известен, что умел донимать с должников все до последней капли, сказал:

– Что хотите мне дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Дело не может быть так, как Фалалей уверяет. Я полагаю, что не все ваши товары пропали в море, а что Фалалей их где-нибудь продал на островах эгеянам, таким же, как сам он, коварным и тихим, а вырученное золото он где-нибудь спрятал. Это только и надо узнать, а спрятал он его, наверное, где-нибудь там же, на тех далеких островах, под известным ему деревом или камнем. Дайте мне во всем большую часть против положения и я возьму Фалалея в темницу и стану его морить в неволе. Так я все вам и себе выручу, – закончил доимщик Тивуртий.

Купцы, услышав такие слова от опытного доимщика, все между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли в сторону и сказали друг другу:

– Что же еще размышлять? Ведь вправду Тивуртий предлагает нам хорошее дело: он лучше нас знает все хитрости мореходцев, и если Фалалей промотал наши товары и золото скрыл, то Тивуртий доимет его в темнице и получит наш долг с Фалалея. Пусть только Тивуртий держит его в темнице не на нашем, а на своем хлебе.

И отдали купцы друга своего корабельщика Фалалея для правежа и доимки на всю волю опытному и жестокому доимщику. Тивуртий же доимщик пошел к себе домой, взял из окованной, большой скрины серебряный пояс дорогой цены под полу и пошел с ним к градоправителю аскалонскому и стал просить его, чтобы он посадил Фалалея в Иродову подземную темницу, а дорогой чеканный пояс дал ему в поминку и вперед сделал посул дать ему еще более ценную вещь, лишь бы сейчас позвал на очи темничника Раввула и повелел ему томить Фалалея всячески, как только захочет доимщик Тивуртий.

Градоправитель принял пояс и исполнил просьбу Тивуртия: он послал городских стражей с приказом взять и перенести больного Фалалея в Иродову темницу, полную гадов, и отдать его темничнику Раввуле, а Раввула бросил его там на гнилой тростник между страшных злодеев, и запер, пока он заплатит все, что имеет право взыскивать с него доимщик Тивуртий.

Глава третья

Иродова темница в Аскалоне была посреди города, на главном базарном месте. Она была рытая в земле, вроде очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами из сырых камней, а сверху присыпана землей тоже так, как погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холм. Тут же на этой насыпи шел всякий день торг. Тут били людей на правеже воловьими жилами и тут же сидели с ночвами и с лоханями аскалонские рыбаки, предлагавшие живую рыбу, и торговки, продававшие: хлеб, овощи и рыбацьи снасти. В откосах насыпи были пробиты и очищены крепкими железными решетками две узенькие отдушины, через которые, впрочем, внутрь подземелья едва проникал самый слабый свет и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигал отдавленный гул рынка.

В этой аскалонской темнице, выкопанной при Ироде, сидело очень много разноплеменных людей и все они страшно томились тут от тесноты, голода, жажды и недостатка дневного света и воздуха. Свет солнечный едва доходил сюда на минутку косым лучом через одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсем сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тела заключенных. В этой общей яме были тесно сбиты вместе и злодеи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Все они были лишены всякой свободы движения. У одних ноги были заколочены клиньями в деревянные колоды и эти сидели вовсе неподвижно, а на других были наложены тяжелые цепи, производившие терзательное лязганье при каждом движении рук и ног; те же, которые были пойманы на разбоях и убийствах и подлежали смертной казни, око за око и зуб за зуб, – эти были прикованы к стене тройными цепями за ноги, за руки и за шею. Логовища этих бесстрашных злодеев были в самом заднем отделении, в узких и совершенно темных впадинах, вырытых в глине. Все заключенные в Иродовой темнице люди, где сидели, там же и спали, и тут же они и пили, и ели, и отправляли все свои телесные нужды. Здесь их посещали друзья и родные, и жены. Обычай был так суровый и простой, что случалось нередко, что жены людей, заключенных в этой Иродовой темнице, посещая мужей своих, становились снова матерями новых детей... Такова была эта ужасная Иродова тюрьма в Аскалоне, в которую доимщик Тивуртий заключил Фалалея, мужа Тении и отца Вирины и Витта.

В то же время, как был посажен в эту тюрьму Фалалей-корабельщик, за несколько дней ранее в эту самую яму, и притом в самой темной ее впадине, был помещен и прикован на пять цепей за руки и за ноги, и за шею береговой злодей, по имени Анастас-душегубец. Он был известный разбойник. Он грабил и лишил жизни много людей. Всех убитых им на суше и на море считалось сорок душ. Он давно вооружил против себя всех людей в Аскалоне и все аскалонцы радовались, что Анастас, наконец, пойман, и ожидали его казни.

Для произнесения суда над Анастасом должен был вскоре прибыть из Дамаска важный сановник, по имени Милий, при котором злого Анастаса и должны были казнить мечом всенародно посреди Аскалона.

Рядом с тою впадиной, в дальнем конце темничной ямы, где был прикован злодей Анастас, находился тесный лаз еще в особую низкую глиняную ямину, по названию «прокаженную». Она называлась так потому, что здесь некогда сидел человек бесноватый и прокаженный, который неустанно злословил царя Ирода, и за то здесь и умер в заточении. С той поры в эту прокаженную нору никто не входил, потому что и сам страж темничный; бесстрашный Раввула, боялся прикоснуться к глине, на которой сидел и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что в ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

Глава четвертая

В аскалонской Иродовой темнице давали скудную пищу от подаяний только тем из невольников, у которых не было ни родни, ни друзей, а должникам и тем, у кого были какие-нибудь родные, хотя бы и самые бедные, темничник Раввула никакой пищи не давал. Об этих узниках должны были заботиться те, кто их посадил, или их близкие родственники, которые и приносили сюда невольникам то, что могли. Поэтому и корабельщика Фалалея должны были питать жена его Тения или Тивуртий, но Тивуртий сказал:

– У Фалалея есть жена; она молода и наделена от природы большою красотой: пусть она его кормит.

Тении это с одной стороны было приятно, потому что, принося пищу мужу, она могла его видеть и после с ним оставаться до вечера, но зато надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тению заботы, которые были для нее очень затруднительны.

Бедная Тения одна должна была заботиться о том, чтобы добывать деньги для пропитания себе, мужу и двум своим детям Вирине и Витту, да еще старой бабке их Пуплии, которая в это время была уже немощна и не в силах была работать, а только смотрела за внуками. Тения же, как дочь жреца, выросла в довольстве и неге, – ее голову заплетали невольницы и они же навевали на нее с вечера сон, а утром к вставанию будили ее легким ласканием ее ступней. Вообще она была не приучена исполнять какие бы то ни было тяжелые работы. Она была научена только изящным искусствам, в которых никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработок. Так как она всего лучше умела играть на многострунной арфе и притом имела дар быстро слагать и петь приятным напевом стихи своего сочинения, то она стала ходить в свой бывший виноградный сад, где теперь под узорными шатрами, раскинутыми Эпимахом, в прохладной тени деревьев и ползучих гроздий, собирались заезжие в Аскалон чужестранные мореходцы. Хозяин этих шатров, видя, что Тения прекрасна собою и может нравиться его гостям и наружностью, и игрою, и пением, позволял ей садиться среди пирующих мореходцев и ставил перед нею кубок вина, к которому она, впрочем, не прикасалась устами, потому что велико было съедавшее ее горе и она позабыть его не хотела.

Для увеселения пирующих мореходцев Тения все ночи насквозь играла на своей арфе и пела, сама тут же составляя из собственных слов своих песни, из которых иные были очень трогательны и нередко достигали до сердец слушателей и смягчали их грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и песни Тении, были довольны тем, что видели перед собою прекрасную певицу, и давали ей монеты, с которыми Тения потом уходила на рынок, – покупала здесь лучшей пищи для детей и для мужа, и для его матери Пуплии, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Обе эти женщины, Тения с Пуплией, и находившиеся при них дети, Витт и Вирина, ютились теперь за городом в убогом шалаше, смазанном из тростника и илистой грязи.

Занятие арфистки и певицы, которое поневоле избрала Тения для пропитания семьи, не было, однако, для нее ни легко, ни приятно, потому что с растерзанным сердцем ей трудно было забавлять игрою и пением праздных и часто нетрезвых людей; но, не умея делать ничего другого, что могло бы дать ей заработок, Тения безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страдания перед мужем. Между посетителями виноградных шатров встречались и такие, которые не довольствовались песнями, а не раз делали Тении предложения продать им за золото свои ласки. Тения не обижалась, ибо понимала, что теперь все могут почитать ее сходною на такое дело, и отвечала спокойно и скромно:

– Неустрасимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфе и пою мною сложенные нехитрые песни. Я пою и играю потому, что я не умею делать ничего другого, а должна питать детей и мужа. Слушайте мою игру и да минует вас и всех, кто вам дорог на родине вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный ответ, стыдились оскорблять Тению своими приставаниями, но содержатель шатров Эпимах был ею за то недоволен и говорил ей:

– Ты очень красивая, но совершенно безрассудная женщина: или ночи наши, на твой взгляд, не довольно темны, а сикоморы мои не молчаливы? Зачем ты не отходишь ни с одним, кто тебя кличет, в отдаленье к берегу моря? Там с глазу на глаз с ним ты могла бы спеть ему что-нибудь сладостней песни о горе, и в поясе у тебя зазвенело бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошего дохода.

Тения отвечала, что она получает довольно, и отходила от Эпимаха, стараясь выкинуть из памяти этот неприятный ей разговор. Эпимах же добивался другого, – он хотел услужить своим гостям и был очень недоволен Тениею. Он желал бы видеть на ее месте в своих садах певицу, более благосклонную к исканиям его веселых посетителей. А мореходцы, как бывалые люди, ему рассказывали о том, каких угодливых певиц они встречали в садах Александрии и Дамии, а Эпимах с укоризною сообщал эти рассказы Тении, но она ничему этому не хотела внимать.

Тения разделяла свое время так, что утром она мыла и чинила носильную ветошь, какая осталась на ее детях после изгнания из дома, и услуживала бабке их, старой и изнеженной Пуплии; потом шла на рынок и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистого угря, или другую дешевую рыбу, варила ее с луком у варильщика при общем очаге и к полудню несла эту похлебку в темницу мужу. Из темницы родственников заключенных не выгоняли и Тения оставалась с Фалалеем до самого вечера, когда, при заходе солнца, входил с бегемотовою жилой в руке темничник Раввула и, выгнав всех посетителей вон, закрывал на засовы двери темницы. Тогда изящная Тения вставала и шла в шатры своего бывшего виноградного сада и там играла на арфе и пела до тех пор, когда восходящее солнце напоминало гулякам о нужде и заботах вновь наступавшего дня.

Так прошло несколько месяцев после заключения Фалалея, и телесные силы Тении стали подаваться, и красота ее начала меркнуть. Происходило это сколько от горя, столько же от нового образа жизни, не отвечавшего ни ее здоровью, ни ее целомудренным навыкам; однако же, несмотря на это, Тения оставалась твердою в своей непреклонности и слишком прекрасною для того, чтобы непреклонность ее не казалась досадительною, а красота слишком привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочные искания, которые и подготавливали, наконец, чрезвычайно тяжелое и большое испытание для добродетели Тении.

Вышло так, что по этому поводу в Иродовой тюрьме в Аскалоне произошли события, отмеченные весьма кратко, но по ужасу своему достойные долгой памяти и сострадания.

Глава пятая

Вскоре после того, как Фалалей был заключен в Иродову темницу, из Дамаска прибыл в Аскалон ожидаемый для суда над Анастасом-злодеем именитый ипарх, по имени Милий. Он был прислан не только затем, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотреть, как управляет областью аскалонский правитель Димас, и раздать подаяние, которое прислала через него в Аскалон от щедрот своих Феодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милий остановился перед впадиной, где был прикован пятью цепями безжалостный Анастас-разбойник, и когда темничник Раввула осветил факелом Анастаса, то Милий удивился, увидев его ужасное лицо, – так сильно и резко изображалось на нем беспощадное свирепство разбойника. Тут Милий не удержался и воскликнул вслух:

– О, как он подл и противен! Клянусь, что я никогда не встречал на свете ничего более злого и омерзительного, как эти его косые глаза и эти вразлет идущие густые брови! Земля с нетерпением должна ждать минуты, когда этот безжалостный зверь перестанет дышать ее воздухом и тяготить ее своими ногами. Впрочем, я об этом как можно скорей постараюсь.

Злодей же Анастас, услышав, что проговорил о нем Милий, запрыгал на месте и, тряся от гнева цепями, закричал на ипарха:

– Я тебе мерзок а может быть, сам ты и еще меня хуже. Твое ли дело, злая душа, надо мной насмеяться? Жалею, что я не повстречал тебя раньше, и не здесь, где ты на свободе, а я крепко прикован цепями: иначе я посмотрел бы, что красней – твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.